

Как и предсказывали Седжон и Хян, на следующий день во дворец начали поступать петиции.

"Вот же неугомонные!" - главный секретарь, глядя на растущую стопку свитков, покачал головой.

"Я думал, - сказал один из его помощников, - что у нас будет хотя бы пара дней передышки..."

"Неужели они всю ночь писали? - удивился другой. - Вот же энергичные! Я бы после такой лекции ни ногой из дома..."

"Хватит болтать! - главный секретарь прервал их жалобы. - Приступайте к сортировке!"

"Сортировке? Что вы имеете в виду?"

"Вы же вчера все слышали! - ответил главный секретарь. - Одни поддерживают наследника, другие - против. Вот и разделите петиции на две группы".

"А если кто-то не определился?" - спросил один из помощников.

"Не определился? - главный секретарь усмехнулся. - Разве такие люди пишут петиции?"

Помощники смущенно переглянулись. Они и сами не знали, на чьей они стороне. И ни один из них не написал петицию королю.

\* \* \*

К полудню стопки отсортированных петиций были доставлены Седжону.

"Немало", - пробормотал король, глядя на гору свитков.

Он посмотрел на министров, которые стояли перед ним, потупив взоры.

"Вот же усердные", - сказал Седжон с сарказмом.

Министры молчали.

"Ну что ж, приступим", - Седжон взял первый свиток и начал читать.

Чем больше он читал, тем мрачнее становилось его лицо. Наконец, он, не выдержав, отшвырнул свиток в сторону.

"Приведите наследника", - приказал он главному евнуху.

"Слушаюсь, Ваше Величество".

Вскоре Хян, в сопровождении евнуха, вошел в тронный зал.

"Вызывали, отец?" - спросил он.

"Да, - Седжон кивнул. - Сядь вон туда".

Хян поклонился и сел на указанное место. Седжон начал рыться в петициях.

"Кажется, - сказал он, - что многие не поняли твою речь. Придется тебе все им объяснить. Господин премьер-министр!" - Седжон повернулся к Ю Чжон Хёну.

"Да, Ваше Величество?"

"Вот ваша петиция. Прочтите ее вслух", - приказал Седжон.

"Ваше Величество!" - Ю Чжон Хён пришел в ужас.

"Пусть все услышат, что вы написали! - отрезал Седжон. - Читайте!"

Ю Чжон Хён, дрожа от страха, развернул свиток и начал читать:

"Я, Ю Чжон Хён, премьер-министр Чосона, смиренно бью челом и обращаюсь к Вам... - начал он.

"Опустите все эти формальности! - Седжон нетерпеливо перебил его. - Читайте по существу!"

Ю Чжон Хён запнулся, потом продолжил:

"Политическая программа наследного принца, на первый взгляд, кажется разумной, но на самом деле, в ней много ошибок. Во-первых, - Ю Чжон Хён откашлялся, - государственная идеология Чосона основана на принципах неоконфуцианства. Но наследный принц проповедует идеи легистов! Законы легистов жестоки! Они приведут к страданиям народа и к гибели государства! История Китая, - Ю Чжон Хён сделал паузу, - и судьба Шан Яна\*, и падение династии Цинь\*\*, - подтверждают это!

---

Шан Ян\* (390-338 гг. до н.э.) - китайский философ и государственный деятель, один из основателей легизма. Был казнен по приказу правителя Цинь.

Цинь\*\* (221-206 гг. до н.э.) - первая императорская династия Китая, основанная Цинь Шихуанди.

---

"Во-вторых, наследник предлагает отменить запрет на занятие государственных должностей для незаконнорожденных! Но ведь этот запрет был введен королем Тхэджоном! Нарушить его - значит проявить неуважение к памяти предков! К тому же, - Ю Чжон Хён повысил голос, - если незаконнорожденные получают доступ к власти, то они, как и в Корё, начнут использовать государственные должности в своих корыстных целях!

"В-третьих, наследный принц предлагает увеличить количество чиновников! Но ведь чем больше чиновников, тем больше налогов приходится платить народу! Не зря в древности говорили: "Жестокое правление страшнее тигра"! Правительство должно заниматься только самыми важными делами! А местные проблемы должны решать губернаторы и ученые мужи!"

На этом петиция Ю Чжон Хёна закончилась. Хян, который до этого молчал, посмотрел на отца.

"Можно мне ответить?" - спросил он.

"Отвечай", - кивнул Седжон.

"Господин премьер-министр, вы сказали, что государственная идеология Чосона основана на неоконфуцианстве, - начал Хян. - Но я считаю, что это не так! Государственная идеология Чосона - это благо народа и справедливое правление! Так учили древние мудрецы! А

неоконфуцианство – это всего лишь инструмент для достижения этих целей!"

"Ваше Высочество!" – Ю Чжон Хён попытался возразить, но Хян не дал ему сказать ни слова.

"Неоконфуцианство – это всего лишь одно из направлений конфуцианства! – Хян повысил голос. – Вы цепляетесь за одну ветку, забыв о том, что есть целое дерево! Я повторяю: государственная идеология Чосона – это благо народа и справедливое правление! А все остальное – это инструменты! Представьте, что вы приготовили вкусное блюдо. Вам же нужна тарелка, чтобы его подать? Вы же не будете вываливать его на стол?! Так вот, – Хян сделал паузу, – благо народа и справедливое правление – это блюдо, а идеология, законы, правила – это тарелка! Нужно использовать все, что может быть полезно, – и неоконфуцианство, и легизм! Как сказал один мудрый король своему сыну: "Будь как пчела, которая ищет самый сладкий цветок!"

Ю Чжон Хён молчал, лихорадочно соображая, как ответить на эти аргументы. Но Хян не дал ему опомниться.

"Вы сказали, что нельзя отменять запрет на занятие государственных должностей для незаконнорожденных, – продолжал Хян. – Вы сказали, что это будет неуважением к королю Тхэджону! Но ведь всем известно, что этот запрет порождает много проблем! Если мы ничего не будем делать, то эти проблемы будут только расти! И люди начнут винить во всем короля Тхэджона! Разве это не неуважение к предкам – допустить, чтобы их имя было опорочено?! К тому же, – Хян сделал паузу, – неужели в Корё только незаконнорожденные злоупотребляли властью?! Разве аристократы, которые родились в законном браке, были лучше?! Несправедливо обвинять во всем незаконнорожденных! И еще, – Хян повысил голос, – разве незаконнорожденные сами выбрали свою судьбу?! Если уж кого-то и нужно наказывать, то тех, кто их родил!"

Хян замолчал и оглядел зал.

"Закон запрещает чиновникам спать с кисэн\*, – сказал он. – Закон запрещает министрам иметь наложниц. Но кто из вас, господа, соблюдает этот закон?! Вы осуждаете незаконнорожденных, но сами нарушаете закон! Разве это правильно?!"

---

Кисэн\* – женщины-артистки, которые в период династии Чосон развлекали мужчин пением, танцами и стихами.

---

"Кхм! Кхм!" – министры, независимо от ранга, смущенно откашлялись.

Ю Чжон Хён, покраснев, хотел было что-то возразить, но Хян снова его перебил.

"Вы привели в пример древнюю поговорку: "Жестокое правление страшнее тигра". Но скажите, господин премьер-министр, кого боятся простые люди больше – чиновников или тигров? Или тех самых ученых мужей, которых вы так хвалите? – Хян сделал паузу. – Я много раз слышал, как люди умирают от голода. Но я ни разу не слышал, чтобы от голода умер ученый муж! И ни разу не слышал, чтобы ученые мужи помогали бедным! Господин премьер-министр, неужели вы считаете, что люди, которые не могут помочь даже своим соседям, будут справедливы по отношению к другим?"

"Э-э-э... - Ю Чжон Хён замялся. - Это всего лишь единичные случаи..."

"Если сложить все эти "единичные случаи" вместе, - Хян перебил его, - то получится, что это - обычная практика!"

"Кто наживается на чужом горе, давая людям деньги под огромные проценты, а потом забирает их землю, когда они не могут вернуть долг? - Хян гневно посмотрел на Ю Чжон Хёна. - Ученые мужи! Те самые, которых вы так хвалите! Господин премьер-министр, ответьте на мой вопрос! Кого простой народ боится больше - ученых мужей или тигров?!"

"Ну..." - Ю Чжон Хён не знал, что сказать.

"Отвечайте!" - Хян повысил голос.

Ю Чжон Хён посмотрел на Седжона.

"Мне тоже интересно услышать ваш ответ, - спокойно сказал Седжон.

"Почему вы молчите, господин премьер-министр?" - настаивал Седжон.

Ю Чжон Хён, сжав зубы, ответил:

"Ученых... мужей..."

"Вот именно!" - Седжон хлопнул себя по колену.

Ю Чжон Хён и другие консерваторы закрыли глаза.

'Все кончено!' - подумали они.

\* \* \*

"Вам нужны еще какие-то объяснения, господин премьер-министр?" - спросил Хян.

Министры молчали.

"Удивительно, - сказал Седжон, роясь в стопке петиций, - авторы разные, а содержание одинаковое. Как будто кто-то написал одну петицию, а остальные просто ее переписали. Но вот эта отличается от других. Прочти ее, Хян-и".

"Хорошо, отец".

Хян взял петицию и начал читать.

"Фу-у-ух..." - он вздохнул, закончив читать, и выпрямился.

"Это петиция из Палаты инспекторов, - сказал Седжон. - Хочешь, я позову сюда ее автора?"

"Нет, не нужно", - Хян покачал головой.

"И что ты об этом думаешь?" - спросил Седжон.

"Он пишет, - Хян задумался, - что "потребление нужно ограничивать. Если поощрять потребление, то люди начнут тратить деньги на роскошь, а жадные торговцы будут этим пользоваться. Ремесленники начнут делать ненужные вещи, а крестьяне бросят землю и будут

искать легкой наживы. В итоге, общество начнет поклоняться богатству, а не добродетели. Именно поэтому древние мудрецы разделили людей на четыре сословия – ученых, крестьян, ремесленников и торговцев".

"Что ж, – Хян, немного подумав, сказал, – он, конечно, прав. Но я считаю, что автора этой петиции нужно наказать".

"Почему?" – Седжон удивился.

"Он пишет, что древние мудрецы разделили людей на сословия, – ответил Хян. – Но я не нашел этого ни в одном из конфуцианских трактатов! Мудрецы, говоря о людях, имели в виду всех людей, а не только ученых мужей! Этот чиновник лжет, чтобы обмануть вас! Он заслуживает наказания!"

Седжон и министры были ошеломлены. Хян много раз критиковал чиновников, спорил с ними, но никогда раньше не требовал их наказания.

"Он боится, что люди начнут тратить деньги на роскошь, – Хян презрительно усмехнулся. – Но лучше уж пусть тратят! С роскоши можно брать налоги! А посмотрите на наших ученых мужей! Ходят в простых одеждах, хвастаются своей скромностью, а в их амбарах – горы риса и шелка! Разве это – добродетель – носить простую одежду? Разве это – добродетель – читать конфуцианские трактаты, пока люди умирают от голода?! – Хян повысил голос. – Он пишет, что "нужно довольствоваться малым"! Но это не довольство, это – отчаяние! Прошу вас, отец, накажите этого лжеца! Он – не советник, а подхалим!"

"Ваше Высочество! – Ю Чжон Хён, испугавшись, что Седжон послушает Хяна, бросился на колени. – Он – чиновник из Палаты инспекторов! Его долг – давать королю советы! Нельзя наказывать его за то, что вам не понравились его слова! Это – нарушение свободы слова!"

"Это не совет, а ложь! – Хян был непреклонен. – В законах Чосона сказано, что все люди равны! А он разделяет их на сословия! Кто дал ему такое право?! Он недостойн быть чиновником! Нужно его наказать!"

<http://tl.rulate.ru/book/114223/4451568>